

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-211-228

EDN: WETRLJ

УДК 316.6

Исследовательская статья

Особенности конструирования представлений о трудноразрешимом межгрупповом конфликте в дискурсе российских и украинских СМИ

А.М. Потанина , В.И. Моросанова

Психологический институт Российской академии образования,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4

 a.m.potan@gmail.com

Аннотация. Феномен трудноразрешимого межгруппового конфликта активно исследуется в современной зарубежной психологии. Изучение такого типа конфликтов сейчас становится особенно важным в связи с повышением их числа в современных реалиях. Важное место занимают работы израильской научной школы, изучающей феномены этоса конфликта, коллективной памяти о конфликте и коллективной эмоциональной ориентации, являющиеся основной интерпретации информации о конфликтной ситуации. Несмотря на большое количество моделей и подходов, в исследованиях трудноразрешимых конфликтов присутствует еще достаточное количество пробелов (так, отсутствует общепринятое определение трудноразрешимого конфликта), а многие подходы к их исследованию слабо операционализированы. Цель исследования – анализ представлений о трудноразрешимом конфликте в дискурсе российских и украинских СМИ в период 2014–2018 гг., а также способов конструирования представлений о трудноразрешимом конфликте в дискурсе СМИ через обращение к социально-психологической инфраструктуре конфликта. Основным методом исследования выступил критический дискурс-анализ в традиции Дж. Поттера и М. Уэзерелл. Обнаружено, что и в российском, и в украинском медиадискурсе представления о конфликте конструировались через обращения к этосу конфликта: в частности, через оправдание групповых целей, представлений действий оппонента как нелегитимных и несправедливых, виктимизацию групп-оппонентов и поддержание позитивного образа группы. Выявлено, что и в российских, и в украинских СМИ присутствуют обращения к теме коллективной памяти, однако частота их возникновения не позволяет говорить о тенденции. Полученные результаты могут быть использованы для разработки мер по снижению предубежденности при освещении конфликтов в средствах массовой информации. Обсуждаются перспективы дальнейших исследований, например анализ представлений о конфликте аудитории различных СМИ и их сопоставлении с теми репертуарами, которые удалось выявить в дискурсе средств массовой информации.

Ключевые слова: трудноразрешимый конфликт, этос конфликта, коллективная память, представления о конфликте, дискурс-анализ

Введение

Феномен трудноразрешимого межгруппового конфликта в последние годы является предметом интереса специалистов в психологии конфликта и психологии межгрупповых отношений (Halperin, Levy, 2017). Интерес к этому типу конфликтов во многом обусловлен повышением их распространенности и интенсивности в последние 20–30 лет. Современные работы, проводимые в данной области, в основном сконцентрированы на изучении психологических феноменов, связанных с восприятием ситуации трудноразрешимого конфликта, а также на способах преодоления возникающих вследствие конфликта когнитивных искажений (Голынчик, 2018, 2020). Трудноразрешимый конфликт может быть определен как затяжной, насильственный конфликт, отличающийся высокой степенью интенсивности, вовлекающий в себя всех членов группы или общества – участника конфликта, и воспринимаемый как неразрешимый его участниками (Halperin, Levy, 2017). Согласно Д. Бар-Талю, одними из наиболее важных характеристик трудноразрешимого конфликта являются его центральное место в общественных дискуссиях и восприятие участниками конфликта как затрагивающего основные потребности и ценности групп-оппонентов (Bar-Tal et al., 2012).

Важное место в современных исследованиях трудноразрешимого конфликта занимают работы израильской школы (Bar-Tal et al., 2012; Halperin, 2016). В рамках этих исследований трудноразрешимый конфликт рассматривается как сложный социальный и психологический феномен, порождающий уникальное психологическое явление: так называемую социально-психологическую инфраструктуру конфликта (*sociopsychological infrastructure*). Данный феномен возникает в ответ на так называемые вызовы конфликтной ситуации и включает три основных элемента: этос конфликта, коллективная память о конфликте и коллективные эмоции (коллективные эмоциональные ориентации) (Bar-Tal, Avrahamzon, 2017).

Понятие этоса конфликта, хотя активно используется в исследованиях израильской школы, не имеет устоявшегося определения. Ведущие исследователи определяют его и как «метаидеологию», определяющую контекст социальных дискуссий, и как доминирующую ориентацию общества, вовлеченного в конфликт (Cohrs et al., 2015; Bar-Tal et al., 2012). Наиболее операционализированным нам представляется определение Д. Бар-Талья (Bar-Tal et al., 2012). Он предлагает определять этос как систему представлений о том или ином объекте или событии (в данном случае – о конфликте). Бар-Таль выделяет восемь типов таких представлений или тем: поддерживающие позитивный образ группы; оправдывающие групповые цели; делегитимизирующие оппонента; виктимизирующие ингруппу; о безопасности; о патриотизме; о мире и о единстве (Bar-Tal et al., 2012). Бар-Таль отмечает, что этос конфликта является устойчивой структурой, определяющей восприятие ситуации конфликта вовлеченными в него индивидами и группами. Современные исследования подтверждают это положение: этос конфликта оказывает влияние на когнитивные процессы, в частности на получение и интерпретацию информации о конфликте: повышает враждебность по отношению к аутгруппе и усиливает формирование негативных стереотипов (Nasie et al., 2021). Ряд

исследователей в этой связи рассматривают конфликтный этос как психологический (когнитивный) барьер восприятия, «замораживающий» процессы оценки и переоценки информации о конфликте и, как следствие, формирующий упрощенную, «черно-белую» картину конфликтной ситуации (Wohl et al., 2016; Rosler et al., 2018). Исследования демонстрируют, что убеждения, формирующие этос конфликта, также тесно связаны с идеологической позицией (Гулевич, Неврюев, 2015; Gulevich et al., 2020; Solak et al., 2021).

Коллективная память о конфликте является репрезентацией конфликтного прошлого, представляющей определенное видение прошлых событий (Páez, Lui, 2015). Показано, что коллективная память о конфликте отражает историю конфликта основанную в первую очередь на потребностях группы или общества, в связи с чем она зачастую является предвзятой и искаженной: так, например, в коллективных воспоминаниях изменяется порядок изложения событий и их интерпретация, а факты изменяются или исключаются в соответствии с целями группы (Páez, Lui, 2015; Halperin, Levy, 2017). Важной характеристикой коллективной памяти является ее общность: она разделяется всеми членами общества, а также часто становится доминирующим нарративом в коллективных дискуссиях (Емельянова, 2019). Еще одной характеристикой коллективной памяти, важной для исследований представлений о конфликте, является избирательное включение группами-оппонентами фрагментов одних и тех же исторических событий (Páez, Lui, 2015). В контексте социально-психологической инфраструктуры конфликта коллективная память тесно взаимосвязана с этосом конфликта: она позволяет поддерживать позитивный образ своей ингруппы; оправдывает дальнейшее развитие конфликта; делегитимизирует противоборствующую сторону; позволяет представить собственную группу как «жертву» (Páez, Lui, 2015; Rosler, Branscombe, 2020). Все вышеперечисленное является важным фактором формирования конфликтного этоса.

Коллективная эмоциональная ориентация (ориентация на преувеличение определенной эмоции) в ситуации трудноразрешимого конфликта взаимосвязана с коллективной памятью и конфликтным этосом (Halperin, 2016). Так, например, Э. Каманс и колл. продемонстрировали, что представления о неразрешимости конфликта приводят к формированию эмоционального климата безысходности, а негативные представления об оппоненте определяют эмоциональную ориентацию ненависти (Kamans et al., 2014). Чувство унижения возникает, с одной стороны, вследствие оценки враждебности оппонента как проявления несправедливости, с другой – вследствие оценки высокого статуса оппонента как обесценивающего статус группы (Fernández et al., 2018). Коллективная вина может возникать как вследствие оценки совершенных группой действий, так и в качестве последствия угрозы позитивному образу группы (Shuman et al., 2018). Коллективные эмоции также могут выступать в качестве психологических барьеров, препятствующих процессу переоценки информации (Wohl et al., 2016). Так, чувство ненависти снижает уровень ожиданий позитивных изменений, а чувства угрозы и страха могут повышать уровень этноцентризма, предубеждений и интолерантности, что, в свою очередь, ведет к затягиванию и эскалации конфликта (Halperin, Levy, 2017). Современные исследования коллективных эмоций также пока-

зывают связь политической ориентации с выражением определенных коллективных эмоций (Cohen-Chen et al., 2020). Рассматривается феномен манипуляции эмоциями аутгруппы, который исследователи связывают с предрасположенностью к определенным видам коллективных действий. Показано, что мотивация вызывать у аутгруппы страх связана с предрасположенностью к агрессивным действиям, а мотивация вызывать сожаление связана с предрасположенностью к ненасильственным действиям (Hasan-Aslih et al., 2019).

Несмотря на большое количество моделей и подходов (например: Coleman, 2014; Bar-Tal, Avrahamzon, 2017; Halperin, 2016), в исследованиях трудноразрешимых конфликтов наблюдается еще достаточное количество «пробелов»: нет общепринятого определения трудноразрешимого конфликта, а многие подходы до сих пор слабо операционализированы. В данном исследовании мы видим возможность вклада в развитие научных представлений о социально-психологических феноменах, сопровождающих трудноразрешимый межгрупповой конфликт.

Цель исследования – анализ способов конструирования представлений о трудноразрешимом межгрупповом конфликте в дискурсе средств массовой информации. Ранее мы анализировали новостной медиадискурс российских и украинских СМИ, а также дискурс российской блогосферы с точки зрения риторических средств и социально-психологических феноменов, к которым обращаются СМИ для конструирования представлений о конфликте (Потанина, 2018, 2022). Мы обращаемся к анализу способов интерпретации конфликтной ситуации в СМИ, опираясь на модель, предложенную Д. Бар-Талем (Bar-Tal et al., 2012). Основной **исследовательский вопрос** данной работы: к каким компонентам социально-психологической инфраструктуры обращаются СМИ для конструирования представлений о трудноразрешимом межгрупповом конфликте?

Процедура и методы исследования

Исследование проведено на материале публикаций, посвященных конфликту в Украине. Согласно результатам исследований, проведенных под руководством Т.Г. Стефаненко и Е.О. Голынчик на кафедре социальной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, отношения России и Украины возможно рассматривать как начинающийся трудноразрешимый конфликт (Голынчик, 2020). Для анализа мы выбрали временной период за 2014–2018 гг., поскольку он ознаменовался как эскалациями, так и периодами «затишья», то есть позволил исследовать дискурс СМИ в контексте конфликтной динамики. На первом этапе исследования осуществлялся отбор материала и первичного анализа текстов. В качестве источников публикаций отобраны наиболее популярные на тот момент российские и украинские издания по версии интернет-поисковиков Yandex и Google: rbc.ru, ria.ru, regnum.ru, lenta.ru, rg.ru, 24tv.ua¹, unian.net, correspondent.net, hromadske.ua. При выборе

¹ Внесен в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено от 23.10.2017.

статей мы опирались, прежде всего, на наличие/отсутствие в них описаний выделенных структур образа межгруппового конфликта и риторических средств, используемых при конструировании образа конфликта, а также обращений к темам этоса и коллективной памяти. По результатам первичного анализа сформирована выборка для развернутого дискурс-анализа (Potter, 1996). Выборка для развернутого анализа формировалась по критерию достаточности: поскольку наблюдалось избыточное количество материалов о данном событии, тексты из разных источников анализировались до тех пор, пока полученные в результате анализа данные не начали повторяться, не приводя никаких содержательных изменений в выводы. Итоговую выборку исследования составили 42 публикации российских и украинских интернет-изданий (по 21 публикации). Развернутый дискурс-анализ проводился по процедуре, предложенной и валидизированной Д.А. Хорошиловым в его кандидатской диссертации (2013): в каждом тексте выделялась основная тема предложения или смысловой части текста, далее выделялись и эксплицировались основные риторические средства, используемые в предложении, определялись конструируемые в смысловой части текста социальные факты, выделялись интерпретативные репертуары. Для осуществления последней части анализа мы несколько модифицировали данную процедуру, не просто выделяя системы связанных между собой, стилистически и грамматически когерентных терминов, но и анализируя, вокруг каких элементов социально-психологической инфраструктуры они организуются. Для этого мы опирались на работу М. Нази и Д. Бар-Талья (Nasie, Bar-Tal, 2012), в которой проводился похожий тип анализа. Валидность полученных данных, в соответствии с критериями валидности качественного исследования, обеспечивается: обоснованностью применения качественной методологии к исследованию проблемы, применением эмпирически валидизированной процедуры развернутого дискурс-анализа и ее прозрачностью, использованием стратегий триангуляции (Хорошилов, 2022).

Результаты и обсуждение

В наших прошлых работах (Потанина, 2018, 2022) мы подробно анализировали те риторические средства, при помощи которых в СМИ конструируются представления о конфликте. Нам удалось обнаружить, что в СМИ обеих стран используется устоявшийся риторический репертуар, выражающийся в «ярлыках», задающих стереотипизированное описание сторон конфликта в дихотомии «агрессоры – защитники». Атрибуция причин действий сторон характеризуется приписыванием внутренних причин действий стороне-«агрессору» и внешних причин действий стороне-«жертве агрессии». Дискурс российских СМИ характеризуется постепенным исчезновением альтернативных интерпретаций и формированием единой, внутренне непротиворечивой позиции относительно конфликта, тогда как в украинском она присутствовала изначально. В данной работе мы сосредоточились на анализе дискурсов СМИ с точки зрения совокупности речевых практик, рамок обсуждения, которые определяют конструирование образа конфликта. Проведенный анализ позволил нам выявить особенности конструирования представлений о трудноразрешимом конфликте в средствах массовой информации

участников конфликта. Перед переходом непосредственно к изложению и интерпретации полученных результатов отметим, что в российских СМИ обсуждение конфликта осуществлялось в контексте противостояния властей Украины и представителей самопровозглашенных республик², которые рассматривались в качестве сторон конфликта. Отметим также, что хотя в контексте той рамки обсуждения данного конфликта, которую задавали российские СМИ рассматриваемого временного периода, их аудитория не являлась включенной в конфликт напрямую, в качестве ингруппы в них рассматривались представители самопровозглашенных республик, а в качестве аутгруппы – власти Украины. В украинских СМИ наблюдалась иная картина: обсуждение конфликта осуществлялось в контексте противостояния властей Украины и представителей самопровозглашенных республик, поддерживаемых Россией (имплицитно – противостоянии Украины и России).

Обратимся к результатам анализа. Нам удалось обнаружить в проанализированных текстах четыре интерпретативных репертуара, соотносящихся с темами этоса конфликта: делегитимизация оппонента, виктимизация группы, оправдание групповых целей и поддержание позитивного образа группы. В табл. 1 представлено их сопоставление в российских и украинских СМИ.

Таблица 1 / Table 1

**Интерпретативные репертуары – этос конфликта /
Interpretative repertoires – ethos of conflict**

Тема этоса / Theme of ethos	Российские СМИ / Russian media	Украинские СМИ / Ukrainian media
Делегитимизация оппонента / Delegitimizing the opponent	Негативные представления о властях Украины / Negative beliefs about Ukrainian authorities: «каратели», «агрессоры», «боевики», «силовики» / “punishers”, “aggressors”, “militants”, “security agents”, в отдельных случаях / in some cases «неонацисты» / “neo-nazis”. Описание действий властей Украины как «намеренных» / Description of Ukrainian authorities' actions as “intended”: «...украинский агрессор продолжил обстрелы населенных пунктов...», «...украинские силовики... обстреляли...» / “...the Ukrainian aggressor continued shelling settlements...”, “...Ukrainian security forces... fired...” и нелегитимных / and non-legitimate: «Вместо переговоров в Минске украинская армия начала варварский обстрел Донецка», «...украинские войска и так нарушали все, что только могли нарушить» / “Instead of negotiations in Minsk, the Ukrainian army launched a barbaric shelling of Donetsk”, “...Ukrainian troops already violated everything that they could violate”	Негативные представления о представителях самопровозглашенных республик, а также о представителях России, их поддерживающих / Negative beliefs about representatives of self-proclaimed republics and Russians supporting them: «боевики», «террористы», «сепаратисты», «агрессор», «захватчики», «оккупанты», «бандформирования», «враг» / “militants”, “terrorists”, “separatists”, “aggressor”, “invaders”, “occupiers”, “bandit formations”, “enemy”. Представление действий оппонента как намеренных и нелегитимных / Description of the opponent's actions as intended and non-legitimate: «Боевики нанесли артиллерийский удар...», «...враг совершил 6 прицельных обстрелов...», «...террористы намеренно обстреливают населенные пункты...» / “The militants launched an artillery strike...”, “...the enemy made six targeted attacks...”, “...terrorists intentionally fire at settlements...”

² Анализируемые тексты относятся к периоду до признания суверенитета ДНР и ЛНР властями РФ.

Окончание табл. 1 / Table 1, ending

Тема этоса / Theme of ethos	Российские СМИ / Russian media	Украинские СМИ / Ukrainian media
Виктимизация группы / Group victimization	Агрессия по отношению к мирному населению / Aggression towards civil population: «...украинский агрессор продолжил обстрелы населенных пунктов...», «...массированный обстрел жилых районов Донецка и Горловки, где, по сообщениям местных жителей, горят школы и жилые дома...», «Власти Незалежной готовы пролить кровь для подавления протестов» / “...the Ukrainian aggressor continued shelling settlements...”, “...massive shelling of residential areas of Donetsk and Gorlovka, where, according to local residents, schools and residential buildings are on fire...”, “The authorities of Nezalezhnaya are ready to shed blood to suppress protests”	Агрессия по отношению к мирному населению / Aggression towards civil population: «...оккупанты осуществили ... обстрел», «В результате обстрела ... со стороны российско-оккупационных войск...», «...террористы намеренно обстреливают населенные пункты, где еще живут мирные люди» / “...the occupiers carried out... shelling”, “As a result of shelling... by the Russian occupying forces...”, “...terrorists deliberately shell settlements where peaceful people still live”
Оправдание групповых целей / Justifying of the group goals	Позитивный образ представителей самопровозглашенных республик / Positive image of representatives of self-proclaimed republics: «ополченцы», «защитники» / “militias”, “defenders”	Позитивный образ украинских военных / Positive image of Ukrainian military: «защитники», «бойцы», «воины» / “defenders”, “fighters”, “warriors”. Актуализация героического образа участников конфликта / Actualizing the heroic image of the conflict parties: «...были ранены двое воинов ВСУ...», «...один боец погиб», «...Украина потеряла одного защитника» / “...two soldiers of the Armed Forces of Ukraine were wounded...”, “...one soldier died”, “...Ukraine lost one defender”
Поддержание позитивного образа группы / Maintaining positive self-image	Пересекается с вышеупомянутыми репертуарами. Действия представлены как вынужденный «ответ» на «преступные посяательства» / Intersects with the repertoires mentioned above. Actions presented as a “forced” response to the encroachment: «самые большие жертвы по-прежнему среди мирного населения», «Украинские власти бросили вертолеты и танки, чтобы не допустить народного волеизъявления...» и «провокации»: «украинский агрессор продолжил обстрелы населенных пунктов, а также, по всей видимости, готовит очередные провокации» / “the biggest victims are still among the civilian population”, “Ukrainian authorities used helicopters and tanks in order to prevent the people from expressing their will...” and “provocations”: “the Ukrainian aggressor continued shelling settlements, and also, apparently, is preparing another provocation”	Пересекается с вышеупомянутыми репертуарами. Действия представлены как справедливый ответ на внешнюю агрессию / Intersects with the repertoires mentioned above. Actions presented as a justified response to the invasion: «на территории, временной занятой одним из контролируемых РФ бандформирований», «заботливо оккупированных российскими войсками районах», «...российско-террористические войска осуществили 86 обстрелов...» / “on the territory temporarily occupied by one of the bandit formations controlled by the Russian Federation”, “areas carefully occupied by Russian troops”, “...Russian-terrorist troops carried out 86 attacks...”

Результаты анализа демонстрируют, что обнаруженные интерпретативные репертуары, связанные с этосом конфликта, оказались фактически зеркальными в российских и украинских СМИ. В дискурсе и российских, и украинских СМИ мы обнаружили интерпретативные репертуары делегитимизации оппонента, виктимизации группы, оправдания групповых целей, положительного образа группы (Bar-Tal et al., 2012). Нам не удалось обнару-

жить в анализируемых текстах репертуары, связанные с единством, патриотизмом, безопасностью и миром. В контексте российских СМИ, по-видимому, это связано с тем, что в анализируемый временной период Россия была представлена как некая «третья сторона», официально не вовлеченная в конфликт напрямую, для которой данные темы не являются важными. Что касается остальных репертуаров, то они, по-видимому, связаны с представлением конфликта в СМИ как атаки на мирное население и, кроме того, на русскоязычное население. То есть использование данных репертуаров призвано солидаризировать аудиторию с участниками конфликта, в данном случае – со стороной, представленной как «жертва». Отметим также, что в российских СМИ встречались и альтернативные интерпретации, не поддерживающие социально-психологическую инфраструктуру. Они представлены в анализируемых текстах двумя интерпретативными репертуарами: репертуаром поддержки (в скрытом виде) властей Украины и репертуаром приписывания ответственности за военные действия обеим сторонам. Эти репертуары выражались в использовании таких ярлыков, как «сепаратисты» и «пророссийские активисты», при описании представителей самопровозглашенных республик и ярлыков «силовики» и «военные» при описании представителей Украины. Также в данных источниках обнаруживалось приписывание ответственности за военные действия в равной степени обеим сторонам, подчеркивалось, что стороны обвиняют в продолжении военных действий друг друга. Тем не менее эти позиции встречались только в источниках, относящихся к 2014–2015 гг. В источниках более позднего времени присутствовали доминирующие позиции, проанализированные выше. Интересно, что в украинских СМИ, так же как и в российских, не удалось обнаружить репертуары единства, безопасности, патриотизма и мира. Возможно, данные компоненты этоса не являются центральными, поэтому не обнаруживаются в текстах. Другим объяснением может быть характер анализируемых источников. Поскольку анализировался только новостной дискурс, предположим, что в других видах медиадискурса эти убеждения могут обнаруживаться: например, в редакторских колонках, мнениях экспертов, высказываниях политических лидеров и пр. (Rosler et al., 2021).

Далее обратимся к анализу репертуаров, связанных с коллективной памятью в российских и украинских СМИ. Результаты анализа представлены ниже в табл. 2.

Отметим, что в контексте российских СМИ темы коллективной памяти практически не встречались – во всех текстах контекст обсуждения конфликта прежде всего касался текущей ситуации: непосредственно военных столкновений или анализа дипломатических переговоров и действий как украинских властей, так других стран в попытке урегулировать конфликт, тогда как данные темы встречались только на уровне отдельных упоминаний. Что касается украинских СМИ, то, как и в российских, темы коллективной памяти не были представлены в явном виде. Можно предположить, что позиционирование действий оппонента как оккупации, как и в случае российских СМИ, призвано актуализировать коллективные воспоминания о Великой Отечественной войне. Однако в текстах отсутствовали прямые попытки со-

отнесения этих событий, поэтому мы можем только предполагать возможную связь.

Таблица 2 / Table 2

Интерпретативные репертуары – коллективная память / Interpretative repertoires – collective memory

Интерпретативный репертуар / Interpretative repertoire	Российские СМИ / Russian media	Украинские СМИ / Ukrainian media
Коллективная память / Collective memory	<p>Темы национализма, выраженные в ссылках на события Великой Отечественной войны / Themes of nationalism through references to the Great Patriotic War: «...не первый месяц создается героический миф [...], сравнимый по масштабам с тем, как героизировало 6-ю армию Паулюса в Сталинграде ведомство Геббельса», «Так уже происходило во время Второй мировой войны, когда отряды украинских карателей из числа бандеровцев выполняли по поручению руководства СС всю грязную работу...», «Украинские неонацисты, существующие при попустительстве и поощрении нынешних местных властей [...]» / “...not for the first month a heroic myth has been created [...] comparable in scale to how the Goebbels department heroized the 6th Army of Paulus in Stalingrad”, “This already happened during the Second World War, when detachments of Ukrainian punishers from among Banderites carried out on behalf of the leadership of the SS all the dirty work...”, “Ukrainian neo-Nazis, existing with the connivance and encouragement of the current local authorities [...]”</p>	<p>Явных обращений не обнаружено, присутствует уже ранее проанализированная тема оккупации / No explicit references found, there is a previously analyzed topic of occupation: «заботливо оккупированных российскими войсками районах» / “carefully occupied by the Russian troops areas”</p>

Что касается коллективных эмоций, то данный репертуар во многом пересекается со всеми проанализированными выше, поскольку коллективные эмоции формируются на основе этоса и коллективной памяти. В контексте российских СМИ мы можем говорить об интерпретативном репертуаре гнева, формирующем данный дискурс. Как уже было отмечено, действия украинской стороны представлены как преступные, нелегитимные, как агрессия, направленная против мирного населения, что подчеркивается ярлыками «каратели», «агрессор», описанием их действий как намеренных атак и провокаций. Что касается других коллективных эмоций, то они представлены не были. Исключение составляет эмоция ненависти, связанная с темой национализма – однако в текстах не обнаруживается прямое выражение ненависти, скорее выражение чувства осуждения: «Сегодня участники госпереворота в Киеве бросили в бой новое поколение бандеровцев. Бросили против тех, кто отстаивает право жить на своей земле, говорить на родном русском языке, отмечать свои праздники.». Тем не менее, поскольку данный репертуар связан только с одной темой, мы не можем говорить о том, что он характерен для российских СМИ в целом. В контексте украинских СМИ мы

также можем говорить об интерпретативном репертуаре гнева, однако он выражается в изображении действий представителей самопровозглашенных республик (и России) как преступных, нелегитимных, как внешнюю агрессию, вторжение, что подчеркивается ярлыками «террористы», «оккупанты», «захватчики», «бандформирования», «враг», а также описанием их действий как намеренных атак. Эмоция гнева, обнаруживаемая в текстах обоих СМИ, может быть объяснена представлением действий оппонентов как несправедливых, нелегитимных и даже преступных, и осуществляемых по отношению к участникам конфликта, с которыми должна солидаризироваться аудитория. Исследования демонстрируют, что регуляция эмоций путем актуализации определенных лингвистических знаков может влиять на поддержку людьми различных действий в конфликте (Idan et al., 2018), что в данном контексте может быть связано с целью вызвать у аудитории поддержку одной из сторон конфликта.

Подводя итог анализу дискурсов российских и украинских СМИ, можно отметить их схожесть в аспекте конструирования представлений о конфликте: в них обнаруживаются одинаковые элементы социально-психологической инфраструктуры – представления, формирующие конфликтный этос и коллективную память о конфликте, а также обращения к коллективной эмоции гнева, конструирующие образ конфликта как трудноразрешимого. Различия между ними заключаются в меньшем обращении украинских СМИ к коллективной памяти, а также в разных темах в контексте представлений, ее формирующих.

Конструирование образа данного конфликта как трудноразрешимого отвечает представлениям, разработанным в израильской школе об ответе на вызовы конфликта (Bar-Tal et al., 2012; Halperin, 2016). В частности, данная ситуация отличается высоким уровнем неопределенности, а также постоянным присутствием в общественной дискуссии. В данном контексте, формирование единого, непротиворечивого видения конфликта может являться основной целью СМИ, поскольку в перспективе может позволить консолидировать общество, предложив ясную, «черно-белую», упрощенную картину ситуации (Bar-Tal et al., 2012; Wohl et al., 2016). Привлекая идеи регуляции групповых эмоций через предоставление определенного эмоционального стимула в информации о конфликте (Halperin, Pliskin, 2015), мы можем предположить, что СМИ путем поддержки социально-психологической инфраструктуры пытаются регулировать представления своей аудитории. Хотя, как показывают опросы общественного мнения³, мнения большинства в период анализа совпадали с картиной, предлагаемой в средствах массовой информации, исследования, проведенные на кафедре социальной психологии факультета психологии МГУ на материале интервью с москвичами, демонстрируют, что данный конфликт не воспринимается как реальный, считается «искусственным» и «инсценированным» (Голынчик, 2018, с. 57). Данный факт может быть объяснен с точки зрения идей немецкой школы К. Хора (Cohrs

³ Например, аналитические обзоры ВЦИОМ от 20 февраля 2018 г. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8953>, от 21 июля 2017 г. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2967>

et al., 2015): присутствия в обществе групп, отличающихся идеологическими представлениями. Другим объяснением могут быть особенности воздействия медийных сообщений: ряд исследователей отмечает, что медийные сообщения не содержат единственный набор значений и их смысл может по-разному конструироваться и интерпретироваться аудиторией СМИ (Мельникова, Хорошилов, 2018). Наличие такого рассогласования именно между российскими СМИ и частью общества может объясняться тем фактом, что в 2014–2018 гг., времени, к которому относятся проанализированные нами тексты, Россия официально не была вовлечена в непосредственные военные столкновения. То есть, привлекая идею критической дискурсивной теории о выражении в дискурсах интересов властных групп (Ван Дейк, 2014), можно предположить, что СМИ отражали видение ситуации в политических элитах, вовлеченных в конфликт непосредственно, для них данная ситуация представляла собой тот самый «вызов неопределенности», требующий консолидации и более упрощенного, ясного понимания конфликта. Непротиворечивая позиция по отношению к конфликту в украинских СМИ может быть объяснена тем, что Украина вовлечена в конфликт напрямую с его начала, что выводит на первый план вызовы конфликтной ситуации, для ответа на которые требуется социально-психологическая инфраструктура конфликта. Кроме того, в ситуации трудноразрешимого конфликта идеологическая поляризация может приводить к обострению вражды между противоборствующими идеологическими группами, что, в свою очередь, может снижать способность общества справляться с внешним конфликтом и затягивать его (Orjan et al., 2020). В этой связи СМИ также могут выполнять функцию консолидации общества для того, чтобы справиться с ситуацией трудноразрешимого конфликта.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить особенности конструирования представлений о трудноразрешимом конфликте в дискурсе СМИ на примере конфликта, разворачивающегося на наших глазах. При помощи анализа интерпретативных репертуаров удалось показать, что и в российском, и в украинском медиадискурсе представления о конфликте конструировались через обращения к темам этоса конфликта: в частности, через оправдание групповых целей, представлений действий оппонента как нелегитимных и несправедливых, виктимизацию групп-оппонентов и поддержание позитивного образа группы. Также удалось обнаружить, что в дискурсе российских СМИ присутствуют обращения к теме коллективной памяти, однако частота их возникновения не позволяет говорить о тенденции. В дискурсе украинских СМИ присутствуют обращения к теме оккупации, однако нельзя утверждать, что обращение к данной теме является попыткой актуализировать коллективную память. Полученные результаты вносят вклад в проблему исследования трудноразрешимых конфликтов, а также могут быть использованы для разработки мер по снижению предубежденности при освещении конфликтов в средствах массовой информации.

Отметим ограничения исследования: анализировался только новостной дискурс, несущий прежде всего функцию информирования о происходящих событиях и только потом – формирования определенной позиции по отношению к ним. В связи с этим важно осознавать, что характер полученных результатов может быть связан с характером анализируемых источников. Перспектива дальнейших исследований видится в анализе представлений о конфликте аудитории различных СМИ и их сопоставлении с теми репертуарами, которые удалось выявить в дискурсе средств массовой информации, а также в анализе других видов медиадискурса (например, телевизионных СМИ, интернет-дискуссий) и общественного дискурса (экспертного дискурса, высказываний политических лидеров и др.).

Список литературы

- Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 344 с.
- Гольничик Е.О.* Преимущества использования качественных методов в современных исследованиях восприятия конфликта // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 53–61. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090306>
- Гольничик Е.О.* Этнос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 29–50. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50>
- Гулевич О.А., Неврюев А.Н.* Социальные верования и оценка военного вмешательства в дела других стран: роль авторитаризма и национальной идентификации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 3. С. 52–68.
- Емельянова Т.П.* Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Институт психологии РАН, 2019. 299 с.
- Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Развитие исследований коммуникаций в социальных контекстах отечественной психологии // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Т. 3. № 2. С. 45–64.
- Потанина А.М.* Анализ новостного медиадискурса вокруг трудноразрешимого межгруппового конфликта // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 1. С. 69–80. <http://doi.org/10.18384/2310-7235-2022-1-69-80>
- Потанина А.М.* Образ трудноразрешимого межгруппового конфликта в российских СМИ // Человеческий капитал. 2018. № 7 (115). С. 93–103. <http://doi.org/10.25629/HC.2018.07.09>
- Хорошилов Д.А.* Психология социального познания в изменяющемся обществе: дис. ... д-ра психол. наук. М.: МГУ, 2022. 318 с.
- Bar-Tal D., Avrahamzon T.* Development of delegitimization and animosity in the context of intractable conflict // *The Cambridge Handbook of the Psychology of Prejudice* / ed. by C.G. Sibley, F.K. Barlow. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 582–606. <https://doi.org/10.1017/9781316161579.026>
- Bar-Tal D., Halperin E., Sharvit K., Zafran A.* Ethos of conflict: the concept and its measurement // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2012. Vol. 18. No. 1. Pp. 40–61. <https://doi.org/10.1037/a0026860>
- Cohen-Chen S., Lang O., Ran S., Halperin E.* The prevalence of despair in intractable conflicts: direct messages of hope and despair affect leftists, but not rightists // *Journal of Applied Social Psychology*. 2020. Vol. 50. No. 10. Pp. 588–598. <https://doi.org/10.1111/jasp.12697>
- Cohrs J.C., Ulug O.M., Stahel L., Kışoğlu R.* Ethos of conflict and beyond: differentiating social representations of conflict // *The Social Psychology of Intractable Conflicts* / ed. by

- E. Halperin, K. Sharvit. Cham: Springer, 2015. Pp. 33–47. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_3
- Coleman P.T.* Intractable conflict // *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice* / ed. by P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus. 3rd ed. Jossey-Bass, 2014.
- Fernández S., Halperin E., Gaviria E., Agudo R., Saguy T.* Understanding the role of the perpetrator in triggering humiliation: the effects of hostility and status // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018. Vol. 76. Pp. 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2017.12.001>
- Gulevich O., Nevryuev A.N., Sarieva I.* War as a method of conflict resolution: the link between social beliefs, ideological orientations and military attitudes in Russia // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2020. Vol. 26. No. 2. Pp. 192–201. <https://doi.org/10.1037/pac0000434>
- Halperin E.* Emotion in conflict: inhibitors and facilitators of peace making. New York: Routedge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315850863>
- Halperin E., Levy A.* Intractable conflicts // *The Sage Encyclopedia of Political Behavior* / ed. by F.M. Moghaddam. Sage, 2017. Pp. 406–408.
- Halperin E., Pliskin R.* Emotions and emotion regulation in intractable conflict: studying emotional processes within a unique context // *Advances in Political Psychology*. 2015. Vol. 36. Suppl. 1. Pp. 119–150. <https://doi.org/10.1111/pops.12236>
- Hameiri B., Sharvit K., Bar-Tal D., Shahar E., Halperin E.* Support for self-censorship among Israelis as a barrier to resolving the Israeli-Palestinian conflict // *Political Psychology*. 2017. Vol. 38. No. 5. Pp. 795–813. <https://doi.org/10.1111/pops.12346>
- Hasan-Aslih S., Netzer L., van Zomeren M., Saguy T., Tamir M., Halperin E.* When we want them to fear us: the motivation to influence outgroup emotions in collective action // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2019. Vol. 22. No. 5. Pp. 724–745. <https://doi.org/10.1177/1368430218769744>
- Idan O., Halperin E., Hameiri B., Reifen Tagar M.* A rose by any other name? A subtle linguistic cue impacts anger and corresponding policy support in intractable conflict // *Psychological Science*. 2018. Vol. 29. No. 6. Pp. 972–983. <https://doi.org/10.1177/0956797618772823>
- Kamans E., van Zomeren M., Gordijn E.H., Postmes T.* Communicating the right emotion makes violence seem less wrong: power-congruent emotions lead outsiders to legitimize violence of powerless and powerful groups in intractable conflict // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2014. Vol. 17. No. 3. Pp. 286–305. <https://doi.org/10.1177/1368430213502562>
- Nasie M., Bar-Tal D.* Sociopsychological infrastructure of an intractable conflict through the eyes of Palestinian children and adolescents // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2012. Vol. 18. No. 1. Pp. 3–20. <https://doi.org/10.1037/a0026861>
- Nasie M., Reifen Tagar M., Bar-Tal D.* Ethno-political socialization of young children in societies involved in intractable conflict: the case of Israel // *Journal of Social Issues*. 2021. Vol. 77. Pp. 1257–1281. <https://doi.org/10.1111/josi.12479>
- Orian H.T., Maoz I., Halperin E.* A conflict within a conflict: intragroup ideological polarization and intergroup intractable conflict // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. Pp. 52–57. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.11.013>
- Páez D., Lui J.H.* The collective remembering of conflict and its role in fueling an ethos of conflict in society // *The Social Psychology of Intractable Conflicts* / ed. by E. Halperin, K. Sharvit. Cham: Springer, 2015. Pp. 61–75. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_5
- Potter J.* Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background // *Handbook of Qualitative Research Methods for Psychology and the Social Sciences* / ed. by J.T.H. Richardson. Leicester: BPS Blackwell, 1996. Pp. 125–140.
- Rosler N., Branscombe N.R.* Inclusivity of past collective trauma and its implications for current intractable conflict: the mediating role of moral lessons // *British Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 59. No. 1. Pp. 171–188. <https://doi.org/10.1111/bjso.12336>
- Rosler N., Hagage Baikovich H., Bar-Tal D.* Rhetorical expressions of ethos of conflict and policymaking in intractable conflict by leaders: a comparative study of two Israeli

- prime ministers // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2021. Vol. 27. No. 3. Pp. 381–392. <https://doi.org/10.1037/pac0000491>
- Rosler N., Sharvit K., Bar-Tal D. Perceptions of prolonged occupation as barriers to conflict resolution // *Political Psychology*. 2018. Vol. 39. No. 3. Pp. 519–538. <https://doi.org/10.1111/pops.12444>
- Schori-Eyal E., Halperin E., Saguy T. Intergroup commonality, political ideology, and tolerance of enemy collateral casualties in intergroup conflicts // *Journal of Peace Research*. 2019. Vol. 56. No. 3. Pp. 425–439. <https://doi.org/10.1177/0022343318818658>
- Shuman E., Johnson D., Saguy T., Halperin E. Threat to the group's image can motivate high identifiers to take action against in-group transgressions // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2018. Vol. 44. No. 11. Pp. 1523–1544. <https://doi.org/10.1177/0146167218768800>
- Solak N., Tamir M., Sümer N., Jost J.T., Halperin E. Expressive suppression as an obstacle to social change: linking system justification, emotion regulation, and collective action // *Motivation and Emotion*. 2021. Vol. 45. No. 5. Pp. 661–682. <https://doi.org/10.1007/s11031-021-09883-5>
- Wohl M.J.A., Porat R., Halperin E. Unfreezing cognitions during an intractable conflict: does an external incentive for negotiating peace and (low levels of) collective angst increase information seeking? // *British Journal of Social Psychology*. 2016. Vol. 55. Pp. 65–87. <https://doi.org/10.1111/bjso.12121>

История статьи:

Поступила в редакцию 5 декабря 2022 г.

Принята к печати 10 апреля 2023 г.

Для цитирования:

Потанина А.М., Моросанова В.И. Особенности конструирования представлений о трудно-разрешимом межгрупповом конфликте в дискурсе российских и украинских СМИ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2023. Т. 20. № 2. С. 211–228. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-211-228>

Вклад авторов:

А.М. Потанина – дизайн исследования, сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста. В.И. Моросанова – научное руководство, анализ полученных данных.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Потанина Анна Михайловна, научный сотрудник, лаборатория психологии саморегуляции, Психологический институт, Российская академия образования (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-4358-6948; ResearcherID: AAF-9474-2021; eLIBRARY SPIN-код: 6840-4027. E-mail: a.m.potan@gmail.com

Моросанова Варвара Ильинична, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией, лаборатория психологии саморегуляции, Психологический институт, Российская академия образования (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-7694-1945; ResearcherID: J-5946-2016; AuthorID: 6506351065; eLIBRARY SPIN-код: 4335-5542. E-mail: morosanova@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-211-228

EDN: WETRLJ

UDC 316.6

Research article

Features of Constructing Representations Regarding Intractable Intergroup Conflicts in the Russian and Ukrainian Media Discourse

Anna M. Potanina^{ID}✉, Varvara I. Morosanova^{ID}

Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
9 Mokhovaya St, bldg 4, Moscow, 125009, Russian Federation

✉ a.m.potan@gmail.com

Abstract. The phenomenon of intractable intergroup conflict is being actively studied in modern foreign psychology. The study of conflicts of this type is now becoming especially important due to the increase in their number in today's reality. Of great importance are the works of the Israeli scientific school, which considers the phenomena of the ethos of the conflict, the collective memory of the conflict and the collective emotional orientation, which are the basis for interpreting information about the conflict situation. Despite the large number of models and approaches, there are still quite a few gaps in the research of intractable conflicts (for example, there is no generally accepted definition of an intractable conflict, and many research methods are poorly operationalized). The representations regarding an intractable conflict in the Russian and Ukrainian media discourse are analyzed. The ways of constructing such representations in the media discourse are considered through a reference to the socio-psychological infrastructure of the conflict. The main research method was critical discourse analysis in the interpretation of J. Potter and M. Weatherell. It was found that in both Russian and Ukrainian media discourse representations regarding the conflict were constructed through references to the ethos of the conflict: in particular, through the justification of group goals, the presentation of the opponent's actions as illegitimate and unfair, the victimization of opposition groups, and the maintenance of positive image of the group. It was revealed that in both Russian and Ukrainian media there are references to collective memory, but the frequency of their occurrence does not allow to talk about a trend. The results can be used to develop measures to reduce bias in media coverage of conflicts. The prospects for further research are discussed, in particular, the analysis of intractable conflict representations in audiences of different media and their comparison with those repertoires that have been identified in the media discourse.

Key words: intractable conflict, ethos of conflict, collective memory, conflict representations, media discourse, discourse analysis

References

- Bar-Tal, D., & Avrahamzon, T. (2017). Development of delegitimization and animosity in the context of intractable conflict. In C.G. Sibley, F.K. Barlow (Eds.), *The Cambridge Handbook of the Psychology of Prejudice* (pp. 582–606). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316161579.026>
- Bar-Tal, D., Halperin, E., Sharvit, K., Zafran, A. (2012). Ethos of conflict: The concept and its measurement. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 18(1), 40–61. <https://doi.org/10.1037/a0026860>

- Cohen-Chen, S., Lang, O., Ran, S., & Halperin, E. (2020). The prevalence of despair in intractable conflicts: Direct messages of hope and despair affect leftists, but not rightists. *Journal of Applied Social Psychology*, 50(10), 588–598. <https://doi.org/10.1111/jasp.12697>
- Cohrs, J.C., Ulug, O.M., Stahel, L., & Kişhoğlu, R. (2015). Ethos of conflict and beyond: Differentiating social representations of conflict. In E. Halperin, K. Sharvit (Eds.), *The Social Psychology of Intractable Conflicts* (pp. 33–47). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_3
- Coleman, P.T. (2014). Intractable conflict. In P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus (Eds.), *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice* (3rd ed.). Jossey-Bass.
- Emelyanova, T.P. (2019). *Collective memory of the events of national history: A socio-psychological approach*. Moscow: Institute of Psychology of the RAS. (In Russ.)
- Fernández, S., Halperin, E., Gaviria, E., Agudo, R., & Saguy, T. (2018). Understanding the role of the perpetrator in triggering humiliation: The effects of hostility and status. *Journal of Experimental Social Psychology*, 76, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2017.12.001>
- Golynchik, E.O. (2018). Potential of qualitative methods in the modern research of conflict perception. *Social Psychology and Society*, 9(3), 53–61. (In Russ.) <http://doi.org/10.17759/sps.2018090306>
- Golynchik, E.O. (2020). The ethos of intractable interethnic conflict: Research approaches and prospects. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 29–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50>
- Gulevich, O., Nevryuev, A.N., & Sarieva I. (2020). War as a method of conflict resolution: The link between social beliefs, ideological orientations and military attitudes in Russia. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 26(2), 192–201. <https://doi.org/10.1037/pac0000434>
- Gulevich, O.A., & Nevryuev, A.N. (2015). Social beliefs and evaluation of military intervention in other countries affairs: The role of authoritarianism and national identification. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 12(3), 52–68. (In Russ.)
- Halperin, E. (2016). *Emotion in conflict: Inhibitors and facilitators of peace making*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315850863>
- Halperin, E., & Levy, A. (2017). Intractable conflicts. In F.M. Moghaddam (Ed.), *The Sage Encyclopedia of Political Behavior* (pp. 406–408). Sage.
- Halperin, E., & Pliskin, R. (2015). Emotions and emotion regulation in intractable conflict: Studying emotional processes within a unique context. *Advances in Political Psychology*, 36(1), 119–150. <https://doi.org/10.1111/pops.12236>
- Hameiri, B., Sharvit, K., Bar-Tal, D., Shahar, E., & Halperin, E. (2017). Support for self-censorship among Israelis as a barrier to resolving the Israeli-Palestinian conflict. *Political Psychology*, 38(5), 795–813. <https://doi.org/10.1111/pops.12346>
- Hasan-Aslih, S., Netzer, L., van Zomeren, M., Saguy, T., Tamir, M., & Halperin, E. (2019). When we want them to fear us: The motivation to influence outgroup emotions in collective action. *Group Processes & Intergroup Relations*, 22(5), 724–745. <https://doi.org/10.1177/1368430218769744>
- Idan, O., Halperin, E., Hameiri, B., & Reifen Tagar, M. (2018). A rose by any other name? A subtle linguistic cue impacts anger and corresponding policy support in intractable conflict. *Psychological Science*, 29(6), 972–983. <https://doi.org/10.1177/0956797618772823>
- Kamans, E., van Zomeren, M., Gordijn, E.H., & Postmes, T. (2014). Communicating the right emotion makes violence seem less wrong: Power-congruent emotions lead outsiders to legitimize violence of powerless and powerful groups in intractable conflict. *Group Processes & Intergroup Relations*, 17(3), 286–305. <https://doi.org/10.1177/1368430213502562>
- Khoroshilov, D.A. (2022). *Psychology of social cognition in a changing society*. ScD in Psychology Thesis. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)
- Melnikova, O.T., & Khoroshilov, D.A. (2018). The development of communication studies in social contexts of Russian psychology. *Communications. Media. Design*, 3(2), 45–64. (In Russ.)

- Nasie, M., & Bar-Tal, D. (2012). Sociopsychological infrastructure of an intractable conflict through the eyes of Palestinian children and adolescents. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology, 18*(1), 3–20. <https://doi.org/10.1037/a0026861>
- Nasie, M., Reifen Tagar, M., & Bar-Tal, D. (2021). Ethno-political socialization of young children in societies involved in intractable conflict: The case of Israel. *Journal of Social Issues, 77*, 1257–1281. <https://doi.org/10.1111/josi.12479>
- Orian H.T., Maoz, I., & Halperin, E. (2020). A conflict within a conflict: Intragroup ideological polarization and intergroup intractable conflict. *Current Opinion in Behavioral Sciences, 34*, 52–57. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.11.013>
- Páez, D., & Lui, J.H. (2015). The collective remembering of conflict and its role in fueling an ethos of conflict in society. In E. Halperin, K. Sharvit (Eds.), *The Social Psychology of Intractable Conflicts* (pp. 61–75). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_5
- Potantina, A.M. (2018). An image of an intractable intergroup conflict in the Russian media. *Human Capital, (7)*, 94–103. (In Russ.) <https://doi.org/10.25629/HC.2018.07.09>
- Potantina, A.M. (2022). The analysis of news media discourse around intractable intergroup conflict. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology, (1)*, 69–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2022-1-69-80>
- Potter, J. (1996). Discourse analysis and constructionist approaches: Theoretical background. In J.T.H. Richardson (Ed.), *Handbook of Qualitative Research Methods for Psychology and the Social Sciences* (pp. 125–140). Leicester: BPS Blackwell.
- Rosler, N., & Branscombe, N.R. (2020). Inclusivity of past collective trauma and its implications for current intractable conflict: The mediating role of moral lessons. *British Journal of Social Psychology, 59*(1), 171–188. <https://doi.org/10.1111/bjso.12336>
- Rosler, N., Hagage Baikovich, H., & Bar-Tal, D. (2021). Rhetorical expressions of ethos of conflict and policymaking in intractable conflict by leaders: A comparative study of two Israeli prime ministers. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology, 27*(3), 381–392. <https://doi.org/10.1037/pac0000491>
- Rosler, N., Sharvit, K., & Bar-Tal, D. (2018). Perceptions of prolonged occupation as barriers to conflict resolution. *Political Psychology, 39*(3), 519–538. <https://doi.org/10.1111/pops.12444>
- Schori-Eyal, E., Halperin, E., & Saguy, T. (2019). Intergroup commonality, political ideology, and tolerance of enemy collateral casualties in intergroup conflicts. *Journal of Peace Research, 56*(3), 425–439. <https://doi.org/10.1177/0022343318818658>
- Shuman, E., Johnson, D., Saguy, T., & Halperin, E. (2018). Threat to the group's image can motivate high identifiers to take action against in-group transgressions. *Personality and Social Psychology Bulletin, 44*(11), 1523–1544. <https://doi.org/10.1177/0146167218768800>
- Solak, N., Tamir, M., Sümer, N., Jost, J.T., & Halperin, E. (2021). Expressive suppression as an obstacle to social change: Linking system justification, emotion regulation, and collective action. *Motivation and Emotion, 45*(5), 661–682. <https://doi.org/10.1007/s11031-021-09883-5>
- Van Dejk, T. (2014). *Discourse and power: Representation of domination in language and communication*. Moscow: LIBROKOM Publ. (In Russ.)
- Wohl, M.J.A., Porat, R., & Halperin, E. (2016). Unfreezing cognitions during an intractable conflict: Does an external incentive for negotiating peace and (low levels of) collective angst increase information seeking? *British Journal of Social Psychology, 55*, 65–87. <https://doi.org/10.1111/bjso.12121>

Article history:

Received 5 December 2022

Revised 4 April 2023

Accepted 10 April 2023

For citation:

Potanina, A.M., & Morosanova, V.I. (2023). Features of constructing representations regarding intractable intergroup conflicts in the Russian and Ukrainian media discourse. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 211–228. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-211-228>

Author's contribution:

Anna M. Potanina – design of the research, data analysis, text writing. *Varvara I. Morosanova* – direction of the research, data analysis.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Anna M. Potanina, Research Fellow, Laboratory of Psychology of Self-Regulation, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-4358-6948; ResearcherID: AAF-9474-2021; eLIBRARY SPIN-code: 6840-4027. E-mail: a.m.potan@gmail.com

Varvara I. Morosanova, ScD in Psychology, Head of the Laboratory of Psychology of Self-Regulation, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-7694-1945; ResearcherID: J-5946-2016; AuthorID: 6506351065; eLIBRARY SPIN-code: 4335-5542. E-mail: morosanova@mail.ru